

М.Г. Агапов

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: magapov74@gmail.com

«ЯПТИК-СИТИ»: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРНОГО СЕЛА

На материале авторских полевых исследований в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в июле — августе 2017 и в апреле 2018 г. анализируются коллективные культурные репрезентации (идентичности) локальных сообществ, способы фреймирования и нарративного кодирования социального мира северного села. В качестве базового подхода используется этнографическая версия теории локального текста. Предлагается модель знаково-текстовой среды северного села, фиксируются проявления официальной и низовой политики идентичности. Во второй части (case study) анализируется конкретный случай производства локального текста в типичном «подшефном» северном селе Новый Порт. Делается вывод, что идентичность северного села является «договорной» конструкцией, а в более широкой временной перспективе — лишь одним из возможных способов фреймирования и нарративного кодирования связанных с данным местом индивидуумами своего социального опыта и социального мира.

Ключевые слова: локальный текст, идентичность, Ямал, северное село, стенография, стрит-арт, граффити.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг. Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

«Что там изучать? Там только пьют и дерутся»

Узнав, что я направляюсь в береговые села Обской губы изучать их социальную жизнь, водитель салехардского такси искренне удивился: «Что там изучать? Там только пьют и дерутся». Представление о северных поселках как о «диком поле» имеет довольно широкое хождение в российском обществе. Признаюсь, мне самому, начинающему полевику, перспектива одиночного турне по отдаленным заполярным поселкам представлялась одновременно и заманчивой, и рискованной. Я не могу не выразить глубокую благодарность моим опытным коллегам-полевику, известным ученым Владимиру Адаеву, Илье Штейнбергу и Светлане Цембалюк, за их чрезвычайно полезные советы и рекомендации, а также — искреннюю признательность моему проводнику в мир поселковой жизни Явлоде Худи (с. Новый Порт) за ее консультации, помощь и терпение.

Полевые исследования, по материалам которых подготовлена эта статья, проводилось в июле — августе 2017 г. и в апреле 2018 г. в пяти селах Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа: Салемале, Панаевске, Новом Порту, Сеяхе и Яр-Сале. Мой интерес фокусировался на различных аспектах повседневной жизни сел, в частности на том, как локальные сообщества осмысливают свой социальный опыт и интерпретируют свой социальный мир. Коротко говоря, меня, жителя «лучшего города Земли»¹, интересовало, как отдаленные от крупных городских центров, труднодоступные и не менее трудно покидаемые северные поселковые сообщества понимают самих себя. В процессе поиска ответа на этот вопрос мне открылся целый мир — гетерогенный, противоречивый, исполненный тревог и надежд и, совершенно точно, — не сводимый к формуле водителя салехардского такси. Правильнее будет сказать, что мир повседневной жизни северных сел лишь приоткрылся мне. Нахождение в каждом из них было не столь продолжительным, как хотелось бы. С другой стороны, посещение сразу всех (за исключением Мыса Каменного) сельских поселений Ямальского района позволило увидеть общую картину коллективных культурных репрезентаций, анализ которых служит одним из ключей к вопросу о самопонимании локальных сообществ.

¹ «Тюмень — лучший город Земли» — официальный лозунг г. Тюмени.

Теория локального текста

Сообщества располагают достаточно широким арсеналом средств, чтобы заявить о том, «кто, по их мнению, они такие» [Warner, 1959, p. 118; Alexander, 2003, p. 93]. Если мы посмотрим на северный поселок как на знаково-текстовую среду, то увидим, что она насыщена заявлениями такого рода. С этой точки зрения пространство северного поселка, как, впрочем, и любого другого населенного места, представляет собой пространство самоидентификации, которое далее в соответствии с поставленной целью будет проанализировано как «локальный текст» северного села.

Термин «локальный текст» употребляется в трех основных значениях. Первое, наиболее распространенное, проистекает из работ В.Н. Топорова о «петербургском тексте», где под локальным текстом понимается сумма мотивов, идей, образов, значений, с которыми связывают тот или иной город (местность) в национальной культуре, прежде всего в литературе [Алексеевский и др., 2008b, с. 179]. Второе значение берет начало в кругу теорий, нацеленных на изучение символических и знаковых систем. Например, подходя к «локальному тексту» с позиций теории символизма Л. Уорнера, мы могли бы определить его как ценности и представления статусных групп, выраженные в используемых ими символах [Warner, 1959, p. 43]. Наконец, свое понимание «локального текста» предложили исследователи городского фольклора. «Локальный текст» определяется ими как «система ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо жилым местом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим местом» [Алексеевский и др., 2010, с. 19]. Далее термин «локальный текст» будет применяться в последнем, этнографическом, значении. Как видно, оно включает в себя второе значение как отдельный (символический) аспект «локального текста».

О.Н. Бурдакова и Е.Ю. Нымм выделяют следующие важные характеристики «локального текста»: 1) подвижность во времени (передается от поколения к поколению не в полном объеме, дополняется новой информацией); 2) многослойность, неоднородность (содержит ядро и периферию, на которой находятся «подтексты» или «субтексты», имеющие хождение среди представителей разных социальных, профессиональных сообществ и возрастных групп); 3) дискретность (не существует как связный текст, а бытует как набор хранящихся в памяти горожанина речевых формул, стереотипов, сюжетов, образов и т.д.) [Бурдакова, 2017, с. 118]. Кроме того, следует добавить такую характеристику «локального текста», как его полилогичность — это, в буквальном смысле, «речь многих», в которой есть свои адресанты и адресаты, каналы коммуникации, контексты и коды. В этой речи нас интересуют прежде всего дискурсы идентичности.

Поскольку любой локальный текст в силу присущих ему особенностей неисчерпаем (не случайно основной формой представления локальных текстов стали постоянно пополняющиеся словари [Алексеевский и др., 2008a, 2008b; Груздов, 2000; Милюгина, 2012; и др.]), мы не сможем проработать все аспекты локального текста (фольклорные, визуальные, ритуальные и т.д.) северного села в рамках одной статьи. Ограничимся анализом знаково-текстовой среды, сосредоточившись на ее интерпретации как своего рода проекционного экрана самовыражения и самоидентификации локального сообщества.

Модель знаково-текстовой среды северного села

В знаково-текстовой среде обследованных сел можно выделить несколько уровней (табл.).

Модель знаково-текстовой среды северного села

The model of sign-textual environment of the Northern community

Адресант	Форма высказывания	Адресат
Органы власти	Официальный плакат	Локальное сообщество
Компания	Стенография, стрит-арт	
Локальное сообщество	Граффити	Локальное сообщество/органы власти

Первый уровень: высказывания, адресантом которых являются органы федеральной/окружной/муниципальной власти, а адресатом — жители села. Сюда относятся, например, плакаты МЧС, призывающие соблюдать меры пожарной безопасности. В целом первый уровень знаково-текстовой среды является официальным, «строгим». Основные формы его бытования — плакаты, билборды и выложенные из кирпича надписи на фасадах капитальных домов (рис. 1).

Второй уровень представлен характерными для северных городов и поселков стенографией и стрит-артом. За полярным кругом яркие, живописные картины наносятся на фасады и стены домов, различные технические сооружения прежде всего для того, чтобы компенсиро-

«Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села

вать дефицит цветового восприятия в зимнее время (примечательно, что северный стрит-арт все чаще выполняется флюоресцирующими красками) и внести разнообразие в привычный поселковый ландшафт. Сюжетную основу зафиксированных в ямальских селах стенографии и стрит-арта составляют преимущественно локальные истории и образы. Практически во всех случаях авторами художественных композиций являются профессиональные художники с «большой земли», работающие по заказу «шефствующей» над данным поселком крупной добывающей компании (далее — Компании), являющейся в данном случае основным адресантом. При этом Компания действует в тесном контакте с местными властями и инициативными группами, которые, таким образом, являются одновременно и со-адресантами, и адресатами высказывания. Художественная форма последнего исключает официальную строгость и вызывает у населения большой эмоциональный отклик. Наиболее удачные стенографические и стрит-артовые композиции являются элементом локального брендинга.

А

В

Рис. 1. Примеры официальной знаково-текстовой среды в пос. Панаевск (А) и Салемал (В), август 2017 г. (фото автора).

Fig. 1. The examples of official sign-textual environment in Panaevsk (A) and Salemal (B) August, 2017 (author's photo).

Третий уровень составляют многочисленные граффити — надписи и рисунки анонимных авторов — местных жителей. Важно подчеркнуть, что граффити — это высказывание «снизу», в котором наиболее четко выражаются самопредставления анонимного автора о самом себе и о своем сообществе [Маисеева, 2013]. На этом уровне власть и население меняются местами: теперь последнее является адресантом, а первая — получателем сообщения. Кроме того, как будет показано далее, граффити могут выражать альтернативные официальному варианты брендинга данного места.

Представленные в публичном пространстве сел Ямальского района высказывания окружных властей транслируют социальный оптимизм, подкрепляемый патерналистскими интенциями. Типичные высказывания этого ряда: «Ямал — территория знаний», «Ямал — территория перспективы» и т.п. Данные слоганы сопровождаются соответствующими визуальными образами (школьники за партами, дети — будущие летчики, врачи, механики). В целом Ямал позиционируется как благоприятное с точки зрения социальных условий место для жизни и работы. Прагматический подтекст этих высказываний становится еще более очевидным при соотнесении их с сохранившимися высказываниями позднесоветского периода. Так, на фасаде заброшенного производственного помещения Салемальского рыбозавода можно прочесть строки из стихотворения Александра Ойслендера «Вечер на базе» (1938 г.):

Кто сказал, что здесь задворки мира?
Это край, где любят до конца,
Как в произведениях Шекспира
Сильные и нежные сердца!

Для современного слоя знаково-текстовой среды ямальских сел романтические коннотации не характерны. Они обнаруживаются только в связи с упоминанием об истории населенных пунктов. Например: «Сеяха... Я помню, как все начиналось, не зря мы трудились, не зря!». Впрочем, этот единственный пример. Все другие высказывания ориентированы на настоящее и будущее, они подчеркивают исключительную героическую нормативность жизни и работы на Ямале. В отношении конкретных сел официальные слоганы манифестируют локальный патриотизм. Типичные высказывания: «Я выбираю Салемал», «Панаевск — наш дом», «Новый Порт — мой дом родной», «Сеяха. Дом мой — Ямал мой! Мой мир, моя пристань!».

Рис. 2. Формула идентичности с. Новый Порт: «Ямальский Титаник» (А — фото автора; В — https://vk.com/new_port) и Мерзлотник (С — фото автора). Новый Порт, август 2017.

Fig. 2. Novy Port's Identity Formula: «Yamal Titanic» (A — author's photo, B — image: [by https://vk.com/new_port](https://vk.com/new_port)) and Ice Cellar (C — author's photo). Novy Port, August, 2017.

На втором уровне знаково-текстовой среды формулы идентичности проявляются преимущественно в ярких образах стенографии и стрит-арта. Отчетливо выделяется морская (рыболовецкая) тематика. Следует сказать, что все обследованные села являются береговыми, все они в разной степени связаны в своем прошлом и настоящем с рыбным промыслом, везде имеются заброшенные и действующие причалы. Последние играют роль ворот села: летом здесь швартуются пассажирские теплоходы, а зимой здесь же останавливаются идущие по зимнику машины. Кроме того, в большинстве сел заметен явный поворот к своему waterfront [Worden, 1996] как своего рода фасаду села. В частности, это выражается в мероприятиях по благоустройству береговой зоны и даже созданию там пляжей. Наконец, как и везде на Севере, в ямальских поселках имеется значительное количество металлического лома, в том числе старые корабли. Настоящее корабельное кладбище есть в Салемале, старые катера ржавеют у причала в Панаевске. Одной из достопримечательностей с. Новый Порт является «ямальский Титаник» — полузатонувшая баржа. Здесь же местный предприниматель построил из старых,

«Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села

перетащенных с берега в село барж целый торгово-жилой комплекс. Особое место в новопортовской формуле идентичности занимает Мерзлотник — памятник регионального значения, крупнейшее за полярным кругом рыбохранилище, выдолбленное вручную в вечной мерзлоте в 1950-е гг. Посещение Мерзлотника является обязательным пунктом культурной программы всех гостей Нового Порта. Из традиции приклеивать к стене внутри Мерзлотника монетки «на память» возникла идея самообозначения: из монеток стали выкладывать знаки, цифры и слова. Сначала появилась дата «1950–1960» и пятиконечная звезда, затем — надпись: «Мерзлотник», позже было выложено слово «Ямал» и изображение якоря, наконец — надпись «Новый Порт» (рис. 2).

Интересно, что оленеводческая тема в знаково-текстовой среде поселков представлена заметно слабее. Пожалуй, единственной явной отсылкой к ней является обнаруженный в с. Сеяха старый плакат с изображением оленя и надписью «Как олень гордо несет голову свою, так же высоко держи имя свое» (рис. 3). Такой тематический дисбаланс объясняется, на наш взгляд, определенной обособленностью поселковой жизни от тундровой. Примечательно в этой связи высказывание жителя одного из сел, молодого ненца: «Приезжайте к нам на День рыбака. День оленевода — это в основном праздник тундровиков, а День рыбака — наш, чисто поселковый». Это вовсе не значит, что все постоянные жители поселков связаны в настоящее время с рыбодобычей. Однако во многих поселках сохранилась память о своих рыбзаводах и рыболовных флотилиях, период расцвета которых отождествляется с «золотым веком» села. Таким образом, морская (рыболовецкая) символика выступает маркером поселковой идентичности, ее отличительным знаком.

Рис. 3. Образ оленя в знаково-текстовой среде с. Сеяха (А) и с. Новый Порт (В), август 2017. Фото автора.

Fig. 3. The image of Reindeer in sign-textual environment in Sejakha (A) and Novy Port (B), August, 2017. Author's photo.

Обратимся теперь к третьему уровню знаково-текстовой среды поселков — граффити как высказываниям «снизу». На этом уровне разворачиваются диалоги между властью и населением. Так, во многих поселковых магазинах товары продаются в долг, однако власти пытаются бороться с этой практикой. Поэтому в магазинах появляются объявления о запрете торговли в долг, а на стенах магазинов одновременно с этим — выразительные надписи «Дайте в долг». Особый интерес представляют граффити с. Панаевск. Многие из них направлены на брутализацию образа села, утверждение идеи его первенства и выражение преданности месту, стилистически созвучное выражению преданности «пацана» своему району. На въезде в село на стилизованной под чум стеле с надписью «Панаевск» выведено слово «рулит». Интересно, что множество брутальных граффити сконцентрированы вокруг капитального дома, на стене которого выложена кирпичная надпись «Панаевск — наш дом». Во дворе дома крупными буквами написано: «Господи, спаси и сохрани всех воров». Надпись закрашена, но текст прочитывается. На самом доме, со стороны подъездов нарисован оскаленный череп с воткнутым в него ножом, над подвалом в нескольких местах написано «Ментам запрещено». При этом видно, что слово «ментам» замазывалось и надписывалось снова. Во многих селах подвалы капитальных домов

служат местами сбора подростков. В одном из сел рядом с лазом в такой подвал написано «Добро пожаловать в рай».

Case study: «Новый Порт — это морская тема»

Исследователи городского фольклора, предложившие наиболее популярную среди российских социальных ученых модель изучения локальных текстов, отмечают, что в потоке работ, посвященных последним, совершенно нет таких, «в которых прослеживались бы пути формирования и функционирования локальных текстов и их составляющих», тогда как для развития теории локального текста «необходимы исследования, которые на материале отдельных фрагментов каких-либо локальных текстов детально прослеживали бы механику и логику их трансмиссии, трансформации и варьирования» [Алексеевский и др., 2010, с. 21]. Попытаемся хотя бы отчасти ликвидировать этот пробел, обратившись к исследованию кейса с. Новый Порт.

Когда мы говорим, что знаково-текстовая среда северного села есть форма заявления локального сообщества о самом себе, очевидно, что сообщество как таковое никаких заявлений не делает. Такие заявления делаются коллективными действующими лицами, которыми движут и идеальные, и материальные интересы, которые обладают особым дискурсивным талантом формулировать свои заявления — можно сказать, талантом «создавать смысл» в общественной сфере [Alexander, 2003, p. 94].

Новый Порт — несомненный лидер Ямальского района в области стенографии и стрит-арта. На мой вопрос, почему художественное уличное искусство получило такое развитие только в с. Новый Порт и с. Мыс Каменный, был дан исчерпывающий ответ: «Потому что только у нас есть Компания». Действительно, Компания «курирует» оба села, одно из которых (Новый Порт) является пунктом, через который осуществляется снабжение расположенного поблизости принадлежащего Компании месторождения, а другое (Мыс Каменный) — пунктом отгрузки добываемых на месторождении продуктов. Таким образом, Компания заинтересована как в социальном благополучии обоих сел, так и в их позитивном позиционировании в информационно-рекламном пространстве. Созданное специально для этой цели Управление Компании (далее — Управление) реализует множество программ, направленных на комплексное развитие своих «подшефных» территорий [Замятина, 2018, с. 43], в том числе проект Фестиваль уличного искусства «Стенография».

Стенография — для нас это настоящий инструмент, который стимулирует изменение пространства вокруг, да, появление ярких каких-то пятен и изменение отношения к самому поселку [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления].

Наиболее полно идея проекта раскрывается в высказывании об обстоятельствах его возникновения и об ожидаемой реакции со стороны локального сообщества, которая, следует заметить, была именно такой, на какую авторы проекта и рассчитывали.

Я читал, где-то в каком-то западном зоопарке произошел случай: кто-то из животных на кого-то напал, на кого-то из посетителей, и люди перестали ходить в зоопарк. И они провели классную такую кампанию... на остановочках, где-то еще там они рисовали зверей — добрых зверюшек, то есть поменяли сознание... Эти вещи [стрит-арт] людей привлекают. Пойдем фотографуемся, пошлем подруге, в инстаграм выложим, то есть покажем, что Новый Порт — это не депрессивная территория [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления].

Важно подчеркнуть, что проект «Стенография» является лишь одним из направлений широкой программы социальных инвестиций Компании, нацеленных на «создание среды, благоприятной для развития регионов деятельности компании». В комплексе этих мероприятий художественная стенография и стрит-арт призваны не просто украсить поселок, но придать смысл стремительному преобразованию еще недавно депрессивного северного села в поселок городского типа (пока больше по духу, чем по факту) и дать импульс для трансформации самосознания локального сообщества в сторону большей ответственности и социальной активности, «более позитивного отношения к собственному поселку», проще говоря, приблизиться к такому положению, когда социальное благополучие поселка будет делом самого поселка. Не случайно представители Управления отмечают как значимое достижение тот факт, что их стенография и стрит-арт не подвергается порче: «Радует, что никто поверх этого не старается что-то там нарисовать, дорисовать, какие-то там загогулины — для нас это важный такой показатель».

Это же не просто так мы решили — давайте поселок разрисуем. Вон там резервуары стоят — можно было бы просто банку гуашки нарисовать, как вот наши коллеги в Са-

бетте сделали. Ну, прикольно, поржали... Нет, хочется развить эту территорию [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления].

Развитие «территории» невозможно без опоры на локальное сообщество, поэтому специальная команда Компании как создатель «смыслов» работает в тесном контакте с местным населением, поддерживает низовые инициативы, вовлекает жителей поселка в собственные проекты. Следует заметить, что Компания «входит» в ландшафт поселка очень аккуратно. Как и другие крупные добытчики, Компания маркирует «свою территорию»: в информационно-рекламном пространстве «подведомственный» населенный пункт всегда является лицом самого «ведомства», однако делается это ненавязчиво: «Мы стараемся не забивать рекламой, мы делаем очень аккуратно, мы просто используем стилистику, стилистику цветовую». Не в последнюю очередь такой мягкий подход обусловлен тем, что, хотя никто среди местного населения не сомневается, что скачок в развитии поселка связан с приходом Компании, в целом присутствие последней оценивается жителями Нового Порта неоднозначно. Наконец, в Компании постоянно подчеркивают, что Новый Порт — «поселок национальный», представляя его порою более экзотичным, чем он есть. Тем не менее развитие и укрепление с «национальным населением» «добрососедских» отношений, несомненно, является приоритетной задачей управления Компании по взаимодействию с локальными сообществами.

В небольшом поселке стенография гораздо заметнее, чем в городе... Если в больших городах много людей — много мнений, населения гораздо больше и его мнение, возможно, может быть, можно и опустить, здесь так нельзя. Потому что если рисунок не понравился, нам потом об этом говорят на каждом углу. То есть если рисунок не понравится, то, поверьте, народ здесь он очень любит свою землю, и они прямо об этом нам скажут [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Неудивительно поэтому, что к выбору эскиза рисунка и места его размещения Управление относится со всей серьезностью.

Объявляется конкурс эскизов, отбираются самые сильные работы... Нам присылали эскизы, которые мы сразу понимали — люди их не поймут, они были такие, как сказать, очень современные, может быть, они были передовые, но мы понимали, что это что-то не очень уютное для людей, которые живут здесь, и они воспримут это даже, наверное, как оскорбление... Например, там была гора и на нее в бинокль смотрел молодой человек, когда ты приглядывался, то понимал, что гора — это девушка, и она немножечко без одежды [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Затем отобранные эскизы обсуждаются с администрацией поселка и сотрудниками тех учреждений, на объекты которых планируется нанести стенографическое изображение.

Есть зоны, которые требуют какого-то развития, и есть выгодные зоны, на которых это размещение будет более воспринято, для создания атмосферы. Мы, безусловно, хотим украсить в первую очередь какие-то социально значимые объекты — школа начальная. Мы хотим сделать ярче новые дома. Понятно, почему эти объекты выбираются. Вот интернат, там детки круглый год живут, они должны видеть во дворе что-то яркое, красивое, хорошее, приятное. Очень важно, чтобы люди действительно видели эти объекты [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Наиболее тесное и наименее формализованное взаимодействие с местным населением по поводу стенографических образов возникает в процессе работы над последними уже непосредственно на объекте:

В процессе рисования есть обратная связь: люди постоянно подходят, что-то говорят, могут попросить что-то, могут сказать: «Темновато». Могут такое сказать. Художники слышат все, и мы тоже подходим, говорим им: «Темновато». Пока рисунок не завершен, там может вот этот процесс идти. Понятно, что рисунок остается в рамках эскиза, но что-то и меняется [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Сперва художница предлагала такую девочку сделать славянскую больше, потом в процессе она трансформировалась ближе там к каким-то ненецким мотивам, ну то есть она сохранила какие-то вещи, но, допустим, добавились у нее там элементы — заячьи ушки сверху там рисуются — одежда, она уже одяние ненецкое приобрела, то есть это стало более понятнее тем людям, которые здесь живут [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Вместо солнца желтого должен был быть символ ненецкий, он похож на снежинку, но означает солярный знак. В общем солнце. Просто ненецкий напоминал снежинку. И нам, раз это школа, то вот и с учителями директор посоветовался, она сказала: «Слушайте, у нас и так снежинок много, мы не хотим снежинку, нам надо что-то солнечное». И мы поговорили с художником, художник, конечно, пошел навстречу [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления] (рис. 4).

Рис. 4. «Детские мечты», Новый Порт.

Источник: https://neftegaz.ru/images/upload/2016/NP_Stenografia.jpg.

Fig. 4. «Child Dreams», Novy Port. Image by: https://neftegaz.ru/images/upload/2016/NP_Stenografia.jpg.

Другим вариантом вовлечения местных жителей в проект «Стенография» является работа со школьниками. Управление проводит конкурс детского рисунка. Наиболее интересные работы могут быть взяты за основу стенографического эскиза (именно так в с. Мыс Каменный появилась знаменитая жар-птица) или использованы в форме «малого стрит-арта». Последний представляет собой наиболее свободную форму самовыражения как для приезжих художников, так и для юных жителей села, пробующих себя в этом виде искусства в рамках специальных мастер-классов (рис. 5).

Рис. 5. Новый Порт, август 2017. Фото автора.

Fig. 5. Novy Port, August, 2017. Author's photo.

Таким образом, новопортовская стенография и «малый стрит-арт» являются продуктами взаимодействия Компании, художников и местных жителей. Такое взаимодействие дает воз-

возможность жителям поселка стать, по существу, соавторами рисунков, художникам привнести в свои работы «больше местного колорита», а представителям Компании «лучше почувствовать населенный пункт, где мы работаем».

Как уже было отмечено выше, новопортовская формула идентичности тесно связана с морской (рыболовецкой) тематикой. Далеко не случайно она же является ведущей и в новопортовской стенографии, и в «малом стрит-арте». Исходя из потребностей своих логистических схем Компания развивает портовую инфраструктуру села, реактивируя тем самым «морской» субтекст новопортовского локального текста. Этот «поворот к морю» фиксируется и в сюжетах спонсируемой Компанией стенографии. Наконец, нельзя не заметить мощный брендинговый потенциал самого названия села. Если вспомнить, что и основной продукт Компании именуется *Novy Port*, станет очевидно, что, вкладываясь в «морской» брендинг с. Новый Порт, Компания укрепляет собственные позиции в глобальном рекламном-информационном пространстве.

Новый Порт — это морская тема, потому что это Порт. Название — Порт, Новый Порт. И он был порт настоящий. И обилие старых судов говорит. Морская тема — это интересно, это морской путь, выход к Северному морскому пути. Опять же здесь рыбаки, здесь традиции рыболовецкие, здесь история — потомственные рыбаки и сетевязальщицы... Мы себя тоже, наш проект как морской воспринимаем. Почему? Наша логистика — это вода. Это первое. Второе — это транспортировка нефти Северным морским путем. Мы отличаемся от всех других компаний, которые здесь работают, тем, что у нас морская логистика. Это не просто сдача нефти в трубу, а здесь вызовы, ледовые все эти сложности, романтика! [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления]

Морской, точнее, рыболовецкий субтекст новопортовского локального текста обнаруживается и на уровне «низовых» высказываний в форме граффити. Так, на одном из воздухоотводов Мерзлотника имеется крупная надпись: «Новый Порт — Яптик-Сити». Яптик — название одного из родов ямальских ненцев [Квашнин, 2011, с. 52]. Однако, как объяснили местные жители, надпись отсылает не к роду, но к месту — расположенному в 220 км от с. Новый Порт поселку Яптик-Сале. Район Яптик-Сале — основное место обитания и добычи ряпушки, на сегодняшний день главного продукта Новопортовского рыбозавода [Матковский, 2009, с. 49, 56; Ощепков, 2015]. Таким образом, надпись указывает на зависимость Нового Порта от его промысловой базы. Впрочем, зависимость эфемерную, так как Новопортовский рыбозавод давно уже не является «градообразующим предприятием» села.

Заключение

Знаково-текстовая среда северного поселка формируется в процессе постоянно разворачивающегося диалога между «производителями смыслов», преследующими различные интересы и занимающими различные по своей силе позиции, каждой из которых соответствуют определенная форма выражения (официальный билборд, художественный стрит-арт, граффити) и нарративная стратегия. Своего рода скриншот знаково-текстового ландшафта северного села позволяет зафиксировать проявления официальной и низовой политик идентичности (первая часть статьи). Анализ конкретного случая производства локального текста (*case study*) показывает высокую степень условности такого различия. Здесь процесс производства локального текста, точнее, одного из его субтекстов раскрывается как сложное взаимодействие целого ряда акторов (Компании, Администрации, художника, местных жителей). В итоге коллективная культурная репрезентация места, его идентичность [Brubaker, 2004, p. 79], оказывается результатом ситуативного компромисса между ними. Иначе говоря, идентичность северного села является не какой-то данностью, требующей своего выражения, но зафиксированной нами здесь и сейчас «договорной» конструкцией, а в более широкой временной перспективе — лишь одним из возможных способов фреймирования и нарративного кодирования связанных с данным местом индивидуумами своего социального опыта и социального мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПМ Агапова М.Г., Ямальский район ЯНАО, 2017–2018.

Рис. 2В. «Ямальский Титаник». Источник: https://vk.com/new_port (17.06.2018).

Рис. 4. «Детские мечты». Источник: https://neftegaz.ru/images/upload/2016/NP_Stenografia.jpg (17.06.2018).

Литература

- Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города // Антропологический форум. № 12. 2010. С. 16–25.
- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева Подольского / М. Алексеевский, // Антропологический форум. 2008а. № 8. С. 419–442.
- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008b. С. 179–209.
- Бурдакова О.Н., Нымм Е.Ю. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. № 2. С. 116–138.
- Груздов Е., Свешников А. «Хождение в народ»-2: Из опыта работы над «Словарем мифологии Омска» // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 431–445.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения. М.: ЛЕНАНД, 2018. 400 с.
- Квашнин Ю.Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № 14-online. С. 23–66.
- Маисеева Е.В. Граффити провинциального города: (Коммуникативный подход) // Известия Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2013. №1. С. 41–46.
- Матковский А.К., Степанов С.И., Янкова Н.В., Вылежинский А.В. Состояние запасов рыб и перспективы промысла в водоемах Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Науч. вестник ЯНАО. 2009. № 1 (63). С. 47–61.
- Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Текст пространства: Фрагменты словаря «Русская провинция» // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 42–60.
- Ощепков К.А. «Новопортовский рыбозавод» // Ямальский район: Энциклопедия. Тюмень; Яр-Сале: Центр региональных справочных изданий ТюмГУ, 2015. С. 241–243.
- Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. Oxford: Oxford university press, 2003. 296 p.
- Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 296 p.
- Warner J.W. The living and the dead: a study of the symbolic life of Americans. New Haven: Yale University Press, 1959. 528 p.
- Worden N. Contested heritage at the Cape Town waterfront // Intern. Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2 (1–2). P. 59–75.

M.G. Agapov

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malugin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: magapov74@gmail.com

«YAPTIK-CITY»: A NORTHERN COMMUNITY IN SEARCH OF IDENTITY

The paper analyses the collective cultural representations (identities) of local communities, as well as the methods of framing and narrative coding of the social world in Northern rural communities. The research is based on the author's fieldwork conducted in the Yamalsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in July — August, 2017 and April, 2018. The basic theoretical approach employed is an ethnographic version of the Theory of Local Texts. A model of the sign-textual environment of the Northern rural community (sender — form of speech — addressee) is proposed, which specifies communication levels and respective identity formulas. This model has allowed the manifestations of official and lower identity politics to be determined. With regard to the dynamic aspect, the sign-textual environment of a Northern rural community presents itself as a constantly unfolding polylogue between «producers» of meanings who have different, varying in power, interests and positions. Each position correlates with a certain form of expression (official billboard, artistic street art, graffiti) and narrative strategy. Visualization of local identity formulas, the professional brand of a community and the formation and development of a presentation «clip» (graphic promotional merchandise) characteristic of Northern communities enriches their cultural landscapes and opens new channels for self-identification and self-expression to its members. In the second part of the research, the paper presents a case study, which is aimed at analysing an actual case of producing a local text in a typical Northern community «under the patronage», the Novy Port settlement. The paper reveals interaction mechanisms between the main subjects of local text production: «Chief» companies, Administrations, painters and local citizens. At the end of the paper, it is concluded that the collective cultural representation of a place results from a situational compromise between «producers of meanings». In other words, the identity of a Northern community is not merely something given that demands expression, but rather a «negotiated» construction recorded here and now. In a wider time perspective, it is only one of possible methods for the framing and narrative coding of social experience and social world by individuals connected to this place.

Key words: local text, identity, Yamal, northern community, street art, graffiti.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191

REFERENCES

- Alekseevskij M., Ahmetova M., Lur'e M. (2010). Urban Studies. *Antropologicheskij forum*, (12), 16–25.
- Alekseevskij M., Zherdeva A., Lur'e M., Sen'kina A. (2008a). Materials for Dictionary of the Local Text of Mogilev-Podolsky. *Antropologicheskij forum*, (8), 419–442.
- Alekseevskij M., Zherdeva A., Lur'e M., Sen'kina A. (2008b). A Dictionary of Local Text as a Method of Descriptive Analysis of Urban Cultural Traditions. *Shtetl, XXI vek: Polevye issledovania*, St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 179–209.
- Alexander J.C. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*, Oxford: Oxford university press, 296 p.
- Brubaker R. (2004). *Ethnicity without Groups*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 296 p.
- Burdakova O.N., Nymm E.U. (2017). Composing Local Text Dictionaries of the Cities of the Post-Soviet Cultural Space. *Al'manah severoevropskikh i baltijskikh issledovanij*, (2), 116–138.
- Gruzdov E., Svешnikov A. (2005). «Going among the people»-2: From the experience of Dictionary of the Omsk mythology. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (74), 431–445.
- Kvashnin U.N. (2011). Tribal Names in Nenets Toponymy. *Antropologicheskij forum*, (14-online), 23–66.
- Maiseeva E.V. (2013). Graffiti of Provincial Town (Approach of Communication). *Izvestia Saratovskogo universiteta. Ser. Sociologija. Politologija*, (1), 41–46.
- Matkovskij A.K., Stepanov S.I., Jankova N.V., Vylezhinskij A.V. (2009). Condition of the Fish Stocks and Perspectives of Extraction in watercourses of Yamalsky District of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. *Nauchnyj vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, (1 (63)), 47–61.
- Milugina E.G., Stroganov M.V. (2012). Text of Space: Experience of the dictionary «Russian province». *Labirint: Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, (2), 42–60.
- Oshepkov K.A. (2015). Novy Port Fish-factory. *Yamal'skij rajon: Enciklopedia*. Tumen; Yar-Sale: Centr regional'nyh spravocnyh izdanij TumGU, 241–243.
- Warner J.W. (1959). *The living and the dead: A study of the symbolic life of Americans*, New Haven: Yale University Press, 528 p.
- Worden N. (1996). Contested heritage at the Cape Town waterfront. *Intern. Journal of Heritage Studies*, 2(1–2), 59–75.
- Zamjatina N.U., Piljasov A.N. (2018). *The Russian Arctic: Towards new concept of development*, Moscow: LENAND, 400 p.